

Религиозно-политический конфликт на Украине в контексте российских проектов «мягкой силы» в 1990–2017 гг.

Сергей П. Донцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dontsev@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть религиозно-политический конфликт на Украине в контексте применения российской «мягкой силы» в период 1990–2017 гг. Автор анализирует форматы и стратегии российской «мягкой силы» на Украине с использованием ресурсов и возможностей религиозных организаций – Русской православной церкви (РПЦ) и Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП). Элементы российской мягкой силы с использованием религиозного фактора фиксируются в рамках избирательных компаний президента Украины. Также проанализировано влияние религиозного фактора в процессе формирования и последующей артикуляции концепции «Русского мира» как инструмента российской мягкой силы. Показана эволюция продуцируемого РПЦ и РПЦ МП дискурса «Русского мира» от «интеграционного», направленного на преобразование политической реальности, к «охранительному», направленному на сохранение духовной традиции. Автором выделяется четыре этапа эволюции российской «мягкой силы» на Украине с использованием религиозного фактора. Делается вывод об отсутствии глобального проекта по реализации российской мягкой силы на территории Украины с использованием религиозного фактора и наличии локальных, ситуативных проектов, представляющих собой реакцию на конкретный политический вызов.

Ключевые слова: мягкая сила, государственно-конфессиональные отношения, религиозно-политический конфликт, Русская православная церковь, Украинская православная церковь, Русский мир

Для цитирования: Донцев С.П. Религиозно-политический конфликт на Украине в контексте российских проектов «мягкой силы» в 1990–2017 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2(12). С. 71–91. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-79-91

Religious and political conflict in Ukraine in the context of Russian projects of “soft power” in 1990–2017

Sergei P. Dontsev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dontsev@gmail.com*

Abstract. The article attempts to consider the religious and political conflict in Ukraine in the context of exercising the Russian “soft power” having been applied in the period of 1990–2017. The author analyzes the formats and strategies of the Russian “soft power” in Ukraine using means and potentialities of the Russian Orthodox Church (ROC) and the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate (UOC MP). The elements of Russian soft power with the use of the religious factor are fixed within the election companies of the Ukrainian President. The author also analyzes the influence of the religious factor while forming and later articulating the “Russian world” conception as a tool of Russian soft power. He demonstrates an evolution of the “Russian world” discourse produced by the ROC and UOC MP from “integration” aimed at transforming the political reality to “protective” aimed at preserving the spiritual tradition and identifies four stages of the evolution of the Russian soft power in Ukraine with the use of the religious factor. The author concludes that there is no global project to implement the Russian soft power in Ukraine using the religious factor but there are some local situational projects that represent a response to a specific political challenge.

Keywords: soft-power, the state and confessional relations, religious and political conflict, Russian Orthodox Church, Ukrainian Orthodox Church, Russian World

For citation: Dontsev SP. Religious and political conflict in Ukraine in the context of Russian projects of “soft power” in 1990–2017. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;2:79–91. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-79-91

Введение

Религиозно-политический конфликт на Украине, исторические корни которого уходят в далекое прошлое (его истоки можно найти и в разделении Киевской митрополии в 1458 г., и в Брестской унии

1596 г., и в движении за независимую украинскую церковь после Февральской революции 1917 г.), получил новый импульс своего развития с распадом Советского Союза и вплоть до сегодняшнего дня определяет общественно-политический ландшафт украинского государства. Составными элементами этого конфликта является раскол украинского православия. Помимо Украинской православной церкви Московского патриархата, являющейся самоуправляемой частью Русской православной церкви (РПЦ) и единственной из украинских церквей, находящейся в каноническом общении с иными автокефальными православными церквями, на роль системообразующей структуры украинской православной традиции с переменным успехом претендуют Украинская православная церковь Киевского патриархата (выделившаяся из состава РПЦ в результате раскола 1991–1992 гг.), Украинская автокефальная православная церковь (ведущая свою историю от послереволюционных автокефалистских движений) и ряд других менее значимых церковных юрисдикций. Ситуация усугубляется и активной позицией греко-католической церкви, которая также выступает одной из сторон конфликта.

Политическая составляющая межконфессионального конфликта проявляется в поддержке политическим руководством Украины попыток создания единой и независимой от Москвы поместной православной церкви, противодействии этому процессу со стороны РПЦ при поддержке российских государственных институтов, использовании религиозного фактора в борьбе за власть самыми разными политическими силами на Украине, а также попытках России влиять на политический процесс у соседа с помощью инструментов так называемой мягкой силы с использованием конфессионального фактора.

В настоящее время наблюдается фрагментарность изучения проблематики, вынесенной в название настоящей статьи. С одной стороны, отдельные аспекты религиозного конфликта на Украине получили уже достаточно полное рассмотрение в научной литературе – это касается в первую очередь эволюции попыток создания независимой Украинской православной церкви в исторической перспективе (см., например, [1]), затрагивались – в том числе и автором – вопросы участия государственных институтов в этих процессах [2 с. 118–124]. В последние годы появилось значительное количество публикаций, посвященных изучению российской «мягкой силы» в контексте деятельности различных внешнеполитических акторов, причем украинский случай рассматривается как самостоятельное направление «мягкой силы» [3, 4], так и в контексте проектов, в том числе и так называемого Русского мира [5, 6].

Однако роль религиозного фактора в российских проектах «мягкой силы» в условиях религиозно-политического конфликта на Украине в 1990–2017 гг. остается недостаточно изученной. Как и в каком формате российская «мягкая сила» на Украине задействует ресурсы и возможности религиозных организаций? В чем проявляется специфика этого процесса и каковы его этапы? Возможно ли выявить проектную составляющую применения «мягкой силы» на Украине с использованием ресурсов религиозных организаций? Настоящая статья представляет собой попытку дать ответы на указанные вопросы.

Религиозный фактор в украинской политике и «мягкая сила» России

Формирование российской модели «мягкой силы» и ее концептуализация началось в 2008–2009 гг. [7 с. 8], когда этот термин все чаще стал появляться в публичных выступлениях первых лиц государства, стала создаваться система институтов его применения (например, «Россотрудничество»), появились информационные каналы воздействия на целевую аудиторию за рубежом. В 2013 г. понятие «мягкая сила» уже вошло в Концепцию внешней политики России [8]. Однако элементы мягкой силы, вне какого-либо устойчивого проекта по ее реализации, как будет показано ниже, могут фиксироваться начиная с самых ранних этапов взаимодействия РПЦ и государства по украинской проблематике в начале 1990-х гг.

Обострение межконфессиональной обстановки на Украине в конце 1980 – начале 1990-х гг. изначально началось по поводу юрисдикции приходов РПЦ, оказавшихся в условиях давления со стороны как возрождающихся религиозных организаций, претендующих на ее имущество (Греко-католической церкви, Украинской автономной православной церкви), так и раскольнических групп внутри самой РПЦ, ориентированных на разрыв с Московской патриархией и пользующихся поддержкой местной власти. РПЦ в противодействии этому давлению могла действовать как самостоятельно, так и через Украинскую православную церковь Московского патриархата (УПЦ МП), которая в 1990 г. получила от РПЦ автономию в вопросах внутреннего управления. Однако эта автономия позволяла и позволяет УПЦ МП предпринимать и самостоятельные шаги, в том числе и по дистанцированию от инструментов российской «мягкой силы».

В 1992 г. глава входящей в РПЦ Украинской православной церкви митрополит Киевский Филарет (Денисенко) пошел на разрыв отношений с Московской патриархией и при поддержке лояльного духовенства объявил о создании Украинской православной церкви Киевского патриархата (УПЦ КП). Буквально с первых же дней после своего создания УПЦ КП стала позиционировать себя как основной институт противодействия российской экспансии в духовной сфере, и наиболее жестко обвинять УПЦ МП в том, что она является проводником российских интересов и представляет угрозу национальным интересам Украины. Этот дискурс сохраняется практически без изменений вплоть до сегодняшнего дня. РПЦ в его рамках предстает классическим инструментом «мягкой силы», которому стремится противодействовать «независимая» украинская церковь.

Хотя основным предметом спора РПЦ и УПЦ МП с другими украинскими религиозными организациями изначально являлась юрисдикция приходов, он очень быстро перерос в вопрос о том, кто же будет официально представлять православие на Украине, и в этом качестве стал задавать контекст российско-украинских отношений. Этому способствовало стремление Филарета, ставшего патриархом новообразованной УПЦ КП, поддерживать конфессиональную политику Президента Украины Л. Кравчука, которая зримо выражалась в провозглашенном им лозунге «Независимому государству – независимую церковь». Патриарх Филарет заявлял, что «Москва любой ценой хочет сохранить рычаги духовного влияния на Киев – в дополнение к политическим и экономическим» [9]. Посещавшего Украину с пастырскими визитами Патриарха Алексия прямо обвиняли в реализации кремлевской политики по ограничению украинской государственности. Получалась парадоксальная ситуация, «руку Москвы» на Украине зачастую видели там, где ее, возможно, и не было. То есть российская «мягкая сила» в лице РПЦ вплоть до начала 2000-х гг., скорее, конструировалась и демонизировалась в медийном пространстве Украины сторонниками автокефалии украинской церкви, чем существовала на самом деле. РПЦ действительно стремилась заручиться поддержкой государственных структур России при противодействии альтернативному украинскому православию. И порой она получала такую поддержку, но говорить, что в 90-е годы она являлась проводником российской политики на Украине или реализовывала инициированный государством проект «мягкой силы», было бы некорректно.

Влияние государственных институтов России при развитии межконфессионального конфликта на Украине претерпело определенные изменения, связанные, в первую очередь, с их интенсивностью. При президенте Б. Ельцине тема раскола в Православной церкви на Украине в рамках межгосударственных отношений практически не поднималась. Более того, при анализе публикаций начала 1990-х гг. складывается впечатление, что российские политики с пониманием относились к возможности предоставления независимости Украинской православной церкви. С избранием президентом В. Путина церковный раскол на Украине более заметно вошел в повестку межгосударственных отношений. Более того, российский президент даже взял на себя функции посредника по урегулированию этого конфликта, поддержав Патриарха Алексия в попытках убедить Л. Кучму «не форсировать события» на торжественном банкете в Кремле в ноябре 2001 г. [10]. Это почти удалось – вплоть до 2004 г. конфликт перешел в вялотекущую стадию. Участие в нем России ограничивалось тем, что МИД РФ эпизодически напоминал об ущемлении прав сторонников УПЦ МП, т. е. опять-таки дискурс о РПЦ как «агенте Москвы» в публичном украинском дискурсе сохраняется, но фактов, выстраивающихся в логическую цепочку, о том, что РПЦ является проводником внешнеполитических интересов России, не обнаруживается. Можно только фиксировать, что взаимодействие РПЦ с МИДом присутствует, а выступления его представителей в контексте ущемления прав верующих рассматривать как косвенную поддержку одной из сторон конфликта.

Ситуация стала меняться в преддверии президентских выборов на Украине в конце 2004 г. Именно с этого момента можно говорить о том, что ресурсы РПЦ стали использоваться в качестве инструмента «мягкой силы» России. Председатель Правительства Украины В.Ф. Янукович в своей предвыборной агитации опирался на УПЦ МП (в прессе широко освещались его пожертвования на восстановление храмов, посещение в сопровождении иерархов УПЦ МП горы Афон, встреча в Москве с Патриархом Алексием II и пр.). Митрополит Киевский и всея Украины Владимир заявил, что он дал свое благословение на участие в выборах В.Ф. Януковичу, в храмах распространялись материалы в его поддержку, служились молебны о даровании ему победы [11]. В данном случае уже можно предположить, что столь активная медийная поддержка пророссийски настроенного кандидата, которая наблюдалась со стороны РПЦ и УПЦ МП, проходила в рамках определенного проекта, направленного на формирование

политических предпочтений избирателей. То, что при его реализации были задействованы и возможности РПЦ по влиянию на общественное мнение на Украине, можно рассматривать как проявление российской «мягкой силы», хотя и неудачное – на выборах победил В. Ющенко. То, что РПЦ в ходе избирательной кампании ассоциировалась на Украине в качестве силы, поддерживающей В. Януковича, осложнило отношения с новой властью и, возможно, стало одной из причин особого внимания нового украинского президента к проблеме межконфессионального противостояния и его стремлению содействовать созданию независимой украинской поместной православной церкви.

После президентских выборов 2004 г. и перед РПЦ, и перед государственным институтам РФ встала задача по налаживанию институциональных взаимодействий с новой украинской властью. Несмотря на то что межконфессиональное напряжение в стране сохранялось, поддержка российским государством УПЦ МП если и происходила, то не была увязана с какой-либо общественно-политической позицией церкви. И РПЦ и УПЦ МП в этот период несколько дистанцировались от внутривнутриполитического противостояния на Украине.

Накануне парламентских выборов на Украине в 2006 г. патриарх Кирилл призвал политиков этой страны не втягивать православных священнослужителей в политическую борьбу [12]. 3 марта 2006 г. по инициативе В. Ющенко была подписана декларация, запрещающая использование авторитета церквей в ходе предвыборной агитации. Тем не менее в предвыборной кампании участвовали представители всех украинских церквей, в том числе и УПЦ МП. Однако в этом эпизоде политической борьбы на Украине УПЦ МП действовала в большей степени как самостоятельный актор с минимальной поддержкой со стороны Московской патриархии и государственных институтов РФ.

В дальнейшем на территории Украины сохранялся статус-кво в государственно-конфессиональных взаимодействиях. Президентская кампания 2010 г., завершившаяся победой В. Януковича, отличалась незначительным (по сравнению с 2004 г.) использованием конфессионального фактора. Да, звучали традиционные обвинения УПЦ МП в промосковской позиции, но «мягкая сила» России проявлялась здесь внеконфессионально – ресурсы религиозных организаций задействовались минимально. В дальнейшем эта тенденция получила продолжение: попыток влияния на электоральные предпочтения со стороны РПЦ и РПЦ МП вплоть до сегодняшнего дня не наблюдалось.

Концепция «Русского мира»

Конфессиональный фактор в качестве составного элемента политического проекта, связанного с использованием российской мягкой силы на Украине, проявил себя в процессе формирования и последующей артикуляции концепции «Русского мира». Эта концепция имела признаки политического проекта [5. с. 134–135] и признавалась политическим руководством России в качестве инструмента российской «мягкой силы» (см, например, [13 с. 1]). Одной из особенностей этой концепции «Русского мира» является ее тесная связь с системой смыслов и ценностей, которыми он наделяется РПЦ. Это проявляется в попытках его дефиниции, определении границ, придания ему проектного потенциала. Для РПЦ принципиальным критерием определения границ и единства «Русского мира» является принадлежность к православию. При этом иные критерии общности – пространство распространения русского языка и российской культуры являются дополняющими. Ключевым же является духовное единство, которое является, как было сказано в 2008 г. на Архиерейском Соборе РПЦ, «величайшим достоянием» народов России, Украины и Белоруссии, которые должны его сохранить [14]. Характерно, что российское государство в лице своих представителей избегает упоминаний о религиозной составляющей единства «Русского мира». Это его составляющая артикулируется преимущественно РПЦ.

Развивая концепцию «Русского мира», РПЦ начиная с 2007–2008 г. все чаще стало использовать образ «Святой Руси». Архиерейский собор РПЦ в 2008 г. дал определение «Святой Руси» как особому цивилизационному пространству, общей родины восточнославянских народов [15]. В дальнейшем этот образ неоднократно появлялся в выступлениях Патриарха Кирилла в контексте необходимости сохранения общей исторической памяти, культуры и духовных ценностей с перспективой более тесной интеграции (в том числе и политической) России, Украины и Беларуси.

Такие программные положения концепции «Русского мира», как воссоединение разделенного русского народа и защита его интересов (в том числе и права на использование русского языка), с высокой интенсивностью транслировались как представителями церкви, так и государства. Можно говорить, что государство и церковь транслировали два взаимодополняющих дискурса, которые в своей совокупности формировали содержательное пространство концепции «Русского мира». Ее прикладной аспект заключался в попытке вовлечения Украины как части «Русского мира» в ин-

теграционные процессы с Россией, и в этом качестве она являлась инструментом «мягкой силы».

Если в период с 2007 по 2013 г. РПЦ в лице своих представителей, в том числе и Патриарха, регулярно акцентировала внимание именно на интеграционном потенциале «Русского мира», превращении России, Украины и Беларуси в цивилизационный полюс современного мира (см., например, [16]), то с присоединением Крыма к России и обострением конфликта на Востоке Украины в 2014 г. тональность высказываний со стороны РПЦ принципиальным образом стала меняться. Интеграционная риторика пошла резко на убыль.

После того как пророссийские сепаратисты в самопровозглашенных Луганской и Донецкой народных республиках стали активно апеллировать к ценностям «Русского мира» и реализовывать логически вытекающий из них проект так называемой Русской весны, на Украине была развернута масштабная информационная кампания по дискредитации любых интеграционных связей с Россией. В ней активно участвовали традиционные соперники РПЦ и УПЦ МП – УПЦ Киевского патриархата, Украинская автокефальная церковь, Греко-католическая церковь с традиционными, но предельно радикализированными в новом политическом контексте обвинениями в содействии реализации российской неоимперской политики. Для УПЦ МП стал остро вопрос не просто сохранения своих позиций, но порой и физического выживания в новых украинских политических реалиях. В этих условиях интеграционная, проектная составляющая «Русского мира» в риторике церковных иерархов стала сменяться на «охранительную», в которой основной упор делался на сохранение духовной традиции, чем на возможное преобразование политической реальности и создание новых геополитических союзов. Официальная позиция РПЦ и УПЦ МП в ходе продолжающегося конфликта между Россией и Украиной предельно сдержанная, с максимально обтекаемыми формулировками, призывами к прекращению кровопролития, избеганием острых оценок и суждений. Так, в выступлениях Патриарха Кирилла практически отсутствуют сюжеты по поводу признания Крыма частью России или осуждения украинского режима. Одновременно УПЦ МП, избегая резких антироссийских высказываний, говорит о Донбассе и Крыме как неотъемлемой части Украины. А те епархии, которые там действуют, сохраняют юрисдикцию УПЦ МП. Именно такая позиция позволяет сохранять единство РПЦ и УПЦ МП, но делает фактически невозможным использование конфессионального фактора в качестве «мягкой силы» России на Украине. Однако

оппоненты Московской патриархии со стороны альтернативного украинского православия вновь, как и в начале 1990-х гг., обвиняют УПЦ МП в предательстве национальных интересов Украины, а РПЦ в поддержке «имперской российской политики». Можно даже сказать, что ими создается образ фантомной «мягкой силы», не имеющей реальных оснований в форме политического проекта.

Выводы

Конфессиональный фактор в процессе формирования российской «мягкой силы» на Украине претерпел следующую эволюцию: 1) поддержка Россией РПЦ в межконфессиональном конфликте и формирование негативного образа РПЦ в медийном пространстве Украины как проводника российских интересов (1990–2003 гг.); 2) активизация конфессионального фактора российской «мягкой силы», неудачная попытка влияния на политический процесс на Украине (2003–2004 гг.); 3) формирование концепции «Русского мира», попытка ценностного обоснования интеграционных процессов России и Украины (2005–2013 гг.); 4) российская «мягкая сила» без использования ресурсов религиозных организаций, РПЦ и УПЦ МП как фантомная «мягкая сила» в медийном пространстве Украины (2014 г. – наст. в.).

Ответ на вопрос о реальности глобального проекта по реализации российской мягкой силы на территории Украины с использованием конфессионального фактора будет скорее отрицательным. Можно говорить только о локальных, ситуативных проектах, представляющих собой реакцию на конкретный политический вызов.

Несмотря на то что сегодня конфессиональный фактор в построении проектов российской «мягкой силы» на Украине предельно минимизирован, его потенциал не исчерпан, вследствие чего нельзя исключать его новой актуализации.

Литература

1. Петрушко В.И. О попытках создания Киевского патриархата украинскими униатами и раскольниками-автокефалистами в XX в. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. 407 с.
2. Донцев С.П. Русская православная церковь и государство на рубеже XX–XXI вв.: проблемы взаимодействия. М.: РГГУ, 2014. 230 с.

3. *Казанцев А.А., Меркушев В.Н.* Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2. С. 122–135.
4. *Филимонов Г.Ю.* Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–107.
5. *Донцев С.П.* Конфессиональный фактор в проектировании «Русского мира» // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: материалы XI Международной научной конференции. М.: Мир философии, 2016. С. 134–141.
6. *Бочаров А.В.* Потенциал soft power в политическом концепте «Русский мир»: предпосылки и перспективы исследований // Дискурс-Пи. 2014. № 2–3. С. 85–91.
7. *Борисова Е.Г.* Мягкая сила – современный инструментарий власти (предисловие составителя) // Мягкая сила. Мягкая власть. Междисциплинарный анализ / Под ред. Е.Г. Борисовой. М.: Флинта, Наука, 2015. 230 с.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] // Гарант-ру: информационно-правовой портал. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения 20 февр. 2018).
9. Патриарх Филарет: «Россия толкает Украину на белорусский путь»: Интервью Патриарха Филарета корреспонденту газеты «Новые Известия» Е. Комарову // Новые Известия. 2001. 19 июня. С. 3.
10. Патриарх Алексий и Леонид Кучма обсудили статус Украинской православной церкви [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Русская линия». 30 нояб. 2001 г. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=373> (дата обращения 20 февр. 2018).
11. *Кураев А.* Украина делает выбор [Электронный ресурс] // Церковный вестник. 2004. № 24. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=print&div=64> (дата обращения 20 февр. 2018).
12. Митрополит Кирилл призвал украинских политиков не втягивать Православную церковь в политическую борьбу [Электронный ресурс] // Интерфакс – Религия. 16 нояб. 2005 г. URL: www.interfax-religion.ru/?act=news&div=7559 (дата обращения 20 февр. 2018).
13. *Лавров С.В.* Внешнеполитическая философия России // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 1–8.
14. Собор называет единство Святой Руси «величайшим достоянием» народов России, Украины и Белоруссии [Электронный ресурс] // Интерфакс – Религия. 27 июня 2008 г. URL: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=25181 (дата обращения 20 февр. 2018).
15. Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О единстве Церкви» [Электронный ресурс] // Официальный

сайт Московской патриархии 27 июня 2008 г. URL: www.patriarchia.ru/db/text/428916.html (дата обращения 20 февр. 2018).

16. Патриарх Кирилл призывает страны русского мира стать центрами единой мощной цивилизации [Электронный ресурс] // Интерфакс – Религия. 3 ноября 2010 г. URL: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=38063 (дата обращения 20 февр. 2018).

References

1. Petrushko VI. On attempts of establishing the Kiev Patriarchate of by the Ukrainian Uniates and Schismatics-autocephalists in the twentieth century. Moscow: Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii humanitarnyi universitet Publ.; 2008. 407 p. (In Russ.)
2. Dontsev SP. Russian Orthodox Church and the State on the Cusp of the 19th and 20th Centuries. Issues of Intercommunion. Moscow: RGGU Publ.; 2014. 230 p. (In Russ.)
3. Kazantsev AA., Merkushev VN. Russia and post-Soviet space. Prospects for the use of “soft power”. *Polis*. 2008;2:122-35. (In Russ.)
4. Filimonov GY. Topical issues of forming a strategy of “soft power” in the foreign policy of the Russian Federation. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2014;1:104-7. (In Russ.)
5. Dontsev SP. Confessional factor in the design of the “Russian World”. Political design in the space of social communications. Proceedings of the XI International Scientific Conference. Moscow: Mir filosofii Publ.; 2016. p. 134-41. (In Russ.)
6. Bocharov AV. Soft power potential in the political concept of “Russian world”. Background and prospects of research. *Diskurs-Pi*. 2014;2-3:85-91. (In Russ.)
7. Borisova EG. Soft power as a modern instrument of power (Preface of the compiler). V: Borisova EG., ed. *Soft power Soft rule. Interdisciplinary analysis*. Moscow: Flinta, Publ.; Nauka Publ.; 2015. 230 p. (In Russ.)
8. Foreign policy concept of the Russian Federation. Approved by the President of the Russian Federation V. Putin on 12 February 2013. *Garant-ru: legal information portal* [Internet]. [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (In Russ.)
9. Patriarch Filaret: “Russia pushes Ukraine onto the Belarusian path.” An interview of Patriarch Filaret to the correspondent of the “Novye Izvestia” newspaper, E. Komarov. *Novye Izvestia*. 2001. June 19:3. (In Russ.)
10. Patriarch Alexiy and Leonid Kuchma discussed the status of the Ukrainian Orthodox Church [Internet]. *Information agency “Russian Line”* Nov. 30. 2001 г. [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=373> (In Russ.)

11. Kuraev A. Ukraine makes a choice. *Tserkovnyi vestnik* [Internet]. 2004 [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]; (24). URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=print&div=64> (In Russ.)
12. Metropolitan Kirill urged Ukrainian politicians not to involve the Orthodox Church in the political struggle. *Interfax-Religion* [Internet]. 2005. Nov. 16. [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]. URL: www.interfax-religion.ru/?act=news&div=7559 (In Russ.)
13. Lavrov SV. The foreign policy philosophy of Russia. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2013;3:1-8. (In Russ.)
14. The Council calls the unity of the Holy Rus ‘ “greatest asset” of the peoples of Russia, Ukraine and Belarus. *Interfax-Religion* [Internet]. 2008. June 27. [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]. URL: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=25181 (In Russ.)
15. Determination of The Consecrated Bishops ‘Council of the Russian Orthodox Church “On unity of the Church”. *Official website of the Moscow Patriarchate* [Internet]. 2008. June 27. [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]. URL: www.patriarchia.ru/db/text/428916.html (In Russ.)
16. Patriarch Kirill calls on the countries of the Russian world to become centers of a single powerful civilization. *Interfax-Religion* [Internet]. 2010. Nov. 3. [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]. URL: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=38063 (In Russ.)

Информация об авторе

Сергей П. Донцев, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; dontsev@gmail.com

Information about the author

Sergei P. Dontsev, Ph.D. in Politics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; dontsev@gmail.com